

П. З. Кокшаров вместо П. В. (Павел Во-
нифатьевич) Кокшаров (с. 65). Неверно
указана дата (1906) смерти Г. С. Лыт-
кина, он умер в 1907 году.

Все эти замечания, безусловно, не ка-
саются основных положений и выводов
автора. Книга «И. А. Куратов — языко-
вед» — серьезное исследование, вносящее

много нового в освещении процессов ста-
новления и развития коми языковедения.
Наряду с большой научной, теоретической
значимостью она может служить практи-
ческим пособием при изучении истории
коми языка.

И. Н. КОСТРОМИНА (Сыктывкар)

<https://doi.org/10.3176/lu.1984.1.19>

И. В. Тараканов, Иноязычная лексика в современном
удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмурт-
ского языка для студентов высших учебных заведений,
Ижевск 1981, 104 с.

Рецензируемая работа посвящена пробле-
ме словарного запаса удмуртского языка.
Она составляет важное звено в системе
учебных пособий для вузов, так как в
«Грамматике современного удмуртского
языка» (ч. I, Ижевск 1962) раздел лекси-
кологии не представлен, а «Удмурт лекси-
кая очеркъёс» (Ижевск 1970) представ-
ляет собой популярное изложение вопросов
удмуртской лексикологии, что не пред-
усматривало научной глубины рассмотре-
ния проблем лексики. Автор рецензируе-
мой книги ограничивает свою цель пока-
зом древнейших заимствований и заим-
ствований из тюркских языков, оставляя
вне поля зрения русские заимствования и
советизмы.

Исследование И. В. Тараканова со-
стоит из трех разделов: «Понятие об ис-
конной и заимствованной лексике и заим-
ствованиях», «Индоевропейские и индо-
иранские заимствования», «Тюркские за-
имствования в удмуртском языке». По-
следний подразделяется на три части:
«Древнетюркские заимствования», «Бул-
гарские заимствования», «Татарские заим-
ствования».

Автор проводит четкую дифференци-
ацию понятий заимствований и заимство-
ванных слов. Заимствованиями он назы-
вает процесс перемещения языковых
средств из одного языка в другой. К за-
имствованным элементам им относятся
слова, структуры, лексемы, синтаксические мо-
дели предложения (структурно-синтакси-
ческие заимствования). Подробно рас-
сматриваются неязыковые (экстралингви-
стические) и языковые (внутренние) при-
чины заимствований. К экстралингвисти-

ческим отнесены различные непосредствен-
ные или опосредованные связи между на-
родами в области политической, торгово-
экономической и культурной жизни. В ре-
зультате оживленных торгово-экономиче-
ских связей в древности у удмуртских
племен с южными соседями появились
индоиранские заимствования типа *зарни*
'золото', *корт* 'железо' и т. д.

К внутренним причинам заимстwowa-
ний И. В. Тараканов относит стремление
языка удовлетворить потребности разви-
тия лексической системы, а именно —
а) необходимость устранения существую-
щих омонимов или многозначности искон-
но удмуртских слов (так, русское заим-
ствование *копейка* вместо собственно уд-
муртского *кон'ы* 'белка' устраняет омони-
мию); б) стремление уточнить соответст-
вующие понятия; в) тенденция к замене
наименований, выраженных словосочета-
ниями, одним словом.

В работе даются подробные сведения
об индоевропейских и индоиранских заим-
ствованиях. Ссылаясь на известных иссле-
дователей индоевропейско-финно-угорских
языковых контактов А. Йоки и В. И. Лыт-
кина, И. В. Тараканов выделяет в перм-
ских языках (и соответственно в удмурт-
ском) доарийский, праарийский и иранский
пласты заимствований. Указанные пласты
различаются по фонетическим признакам
заимствованных слов. По мнению автора,
многие из иранизмов проникли в удмурт-
ский язык через посредство татарского и
булгарского, претерпели фонетическую
адаптацию под действием тюркских язы-
ков и имеют статус тюркских заимстwowa-
ний, число таких слов превышает 90 лек-
сических единиц.

Фонетические признаки, по которым тюркские заимствования в удмуртском языке подразделяются на три пласта, убедительны. К древнетюркским заимствованиям автор относит 18 лексических единиц, проникших в пермские языки в III—V вв. н. э. Восемь из них имеют соответствия или звучат идентично в современном коми языке. К сожалению, к слову *кӧчыны* 'переселяться, кочевать, бежать, убежать' не приводится соответствующего коми фразеологизма *курен-кӧчен овны*, данного в «Дополнениях к краткому этимологическому словарю коми языка» (Коми филология. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, Сыктывкар 1974). К слову *ӧрак-ырак* 'потоком (о воздухе)' также не приведено коми соответствие *ыръыны* 'дуть (о сквозняке)', *ыръиш* вым. 'хвастун' (КЭСК), где корень *ыр-* вполне соответствует др.-тюрк. *йв* 'дуть, веять (о ветре)', а *-г-, -ӧш-* — непродуктивные ныне суффиксы коми языка.

Четкие фонетические признаки выделяют болгарские заимствования в пермских языках. В работе выявлено более 190 лексических единиц, проникших в удмуртский язык из речи древних болгар. Свыше двадцати из них имеют соответствия в коми языке. Иногда автор не дает коми соответствий к некоторым болгаризмам удмуртского языка, например к *каньыл* 'легко, удобно, удобный, тихий, спокойный' < чув. *канё* 'покой, успокоение'. В коми языке название домашнего животного *кань* 'кошка', по мнению В. И. Лыткина, произошло из выражения *кан'н'алны* 'ходить тихо', *кан'ӧбӧн* 'бесшумно', *кань олӧм* 'спокойная жизнь'. Вне всякого сомнения, коми *кан'н'алны* и удм. *кан'ыл* имеют единое происхождение.

Слова *с'урныл* 'падчерица', *с'урпи* 'сирота', *с'урайы* 'отчим', *с'уранай* 'мачеха' автор сопоставляет с коми *сёр*. Коми *с'ор* имеет в современном коми языке значение 'поздно, поздний'. В сознании современных носителей коми языка определение *с'ор* к словам *ныв* 'дочь', *пи* 'сын', *бать* 'отец', *мам* 'мать' тоже воспринимается как 'поздняя дочь', 'поздняя мать' или 'поздний сын', 'поздний отец'. Этимологически же вполне убедительно возводить коми *с'ор* и удм. *с'ур* к булг. *сор*, *сура* 'половина, половинный'.

Отдельные разделы исследования И. В. Тараканова посвящены а) татаризмам, характерным для литературного удмуртского языка и всех его диалектов; б) татаризмам, характерным для литературного удмуртского языка и большинства его диалектов, но отсутствующим в каком-либо одном или двух диалектах; в) татаризмам, характерным для северных диалектов удмуртского языка, но отсутствующим в южных и средних; г) татаризмам, характерным для южных, некоторых средних говоров, но употребляющимся и в литературном удмуртском языке. Особым разделом в исследовании представлены тюркизмы, проникшие в удмуртский язык через русский устным путем, а также через книжный русский язык.

В работе уделено внимание и словам арабско-персидского происхождения (их насчитывается более 160), относящимся к материальной и духовной культуре, религиозно-мировоззренческой терминологии и мифологии. Данный пласт слов также проник в удмуртский и коми языки через болгарское, татарское и русское языковое посредство.

Некоторые слова удмуртского языка автор возводит к китайским источникам. Несомненно, такие слова, как *чай*, *чын* 'правда', *бам* 'лицо, щека' и др., попали из китайского языка через татарско-монгольское посредство.

К недостаткам работы И. В. Тараканова можно отнести неточности отдельных примеров. Так, на с. 18 к удм. *вуз* 'товар' не приведено венгерское соответствие *vesz* 'покупать', на с. 19 вместо коми *войӧдны* 'побежать' приведено *войодны*, на той же странице вместо венг. *negyven* 'сорок' написано *nyedven*. На с. 20 вместо коми *веж* 'зеленый, незрелый, молодой' дано *вож*. На с. 21 к удм. *зичы* приводится коми соответствие *рич*, вместо *руч* 'лиса'; на с. 23 вместо коми *тасьтӧ* 'тарелка' дается *тасьт*; на с. 26 вместо *ӧш* 'бычок' приведено *ош* 'медведь' и т. д. На с. 65 перм. *индылыны* 'объяснять, указывать' автор возводит к тат. *эндэ* 'призвать'. Данное объяснение нельзя признать убедительным, так как, во-первых, в коми языке *индыны* имеет также значение 'указать, определить' и несомненно образовано от основы *ин-* 'место', во-вторых, в коми

языке нет татарских заимствований. Мы здесь придерживаемся точки зрения авторов КЭСК.

Указанные недостатки легко исправи-

мы и не снижают научной ценности исследования И. В. Тараканова.

Е. А. ИГУШЕВ, А. К. МИКУШЕВ
(Сыктывкар)

Paralipomena of Korean Etymology by G. J. Ramstedt
collected and edited by Songmoo Kho, Helsinki 1982
(MSFOu 182). 295 S.

Der finnische Sprachforscher und Ethnologue G. J. Ramstedt war ein sehr vielseitiger Multilinguist, der sich speziell mit den uralischen und altaischen Sprachen und ihrer eventuellen Verwandtschaft beschäftigt hat. Da er Anhänger der schon in den 20er Jahren des vergangenen Jahrhunderts aufgestellten Hypothese der koreanisch-altäischen Urverwandtschaft war, hat er ernsthaft versucht, dieses Problem zu lösen. Um die lexikalische Zusammengehörigkeit der altaischen (und der uralischen) Sprachen mit dem Koreanischen feststellen zu können, hatte er über 5000 Etymologien gesammelt. Im Jahre 1949 erschien seine Untersuchung «Studies in Korean Etymology» (MSFOu 95), die ungefähr 1900 Etymologien enthält. 1953 veröffentlichte P. Aalto aus den Handschriften von Ramstedt einen Nachtrag «Additional Korean Etymologies» (MSFOu 95 : 2). Nach dem Tode von R. J. Ramstedt wurden die noch nicht publizierten Etymologien auf mehr als 3000 Zetteln der Finnisch-ugrischen Gesellschaft in Helsinki übergeben, wo sie bis zum Frühjahr 1981 aufbewahrt wurden. Zu diesem Zeitpunkt erteilte man dem an der Universität Helsinki tätigen jungen koreanischen Sprachforscher Songmoo Kho den Auftrag, die unpublizierten Zettel durchzusehen, zu systematisieren und das Ergebnis seiner Auswertung zu veröffentlichen. Das Interesse für eine endgültige Klärung der Verwandtschaftsfrage des Koreanischen mit den erwähnten Sprachfamilien ist nach wie vor aktuell. Ein Teil der Altaisten und Uralisten ist davon überzeugt, daß die koreanische Sprache eine selbständige Gruppe in der altaischen Sprachfamilie bildet, ein anderer Teil behauptet das Gegenteil. Deshalb ist es zweifellos bedeutsam, daß das etymologische Material von Ramstedt in seiner Vollkommenheit allen Forschern zugänglich gemacht worden ist. Der Herausgeber des Materials steht eher skeptisch (rather sceptical) zur altaischen (Altaic)

Theorie. Er ist ein guter Kenner der finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft und muß deshalb doch konstatieren, daß es sogar in den uralischen Sprachen lexikalische Elemente gibt, die phonetisch-semantische Entsprechungen im Koreanischen haben. Songmoo Kho bringt das handschriftliche Material von Ramstedt unverändert. Er hat nur dort einige Korrekturen vorgenommen, wo sich Ramstedt augenscheinlich geirrt oder etwas falsch geschrieben hatte. Wenn es für das Verständnis des Werkes unentbehrlich war, hat Songmoo Kho manche koreanischen Wörter übersetzt oder näher kommentiert. Ferner hat er auch bei Parallelen und semantischen Abweichungen auf Abhandlungen hingewiesen, wo das entsprechende Lexem schon auftrat. Der koreanische Wortschatz ist alphabetisch dargeboten. Aufgeführt sind auch jene Wörter, die Ramstedt nur zweifelhaft mit Wörtern aus anderen Sprachen in Verbindung gebracht hatte. Die in den etymologischen Behandlungen angeführten Wörter anderer Sprachen finden sich in Indizes, wie z. B. tungusische, mongolische, türkische und andere Wörter. Außerordentlich zahlreich sind die dargebotenen tungusischen (ewenischen) und mandschurischen etymologisch behandelten Wörter, weil diese Sprachen schon territorial dem Koreanischen näher liegen. Für die Leser unserer Zeitschrift sind besonders die Fälle interessant, bei denen Ramstedt auch finnisch-ugrische und samojedische Entsprechungen gebracht hat. Die meisten Vergleiche hat Ramstedt selbst nur als fragwürdig angegeben. Sichere koreanisch-finnisch-ugrische Wörter sind seiner Meinung nach z. B. *čjalan* 'person, individual; man' — mar. *jeŋ, jän* 'Seele' (S. 24); *črūn* 'old, aged' — ung. *őreg* 'alt' (50); *kul* in *kudenj* < *kul-teŋi* 'a pit, a hole in the ground' (tungusisch *gulö, gulä* 'Stube, Hütte', jakutisch *külä* 'Hütte, Vor-